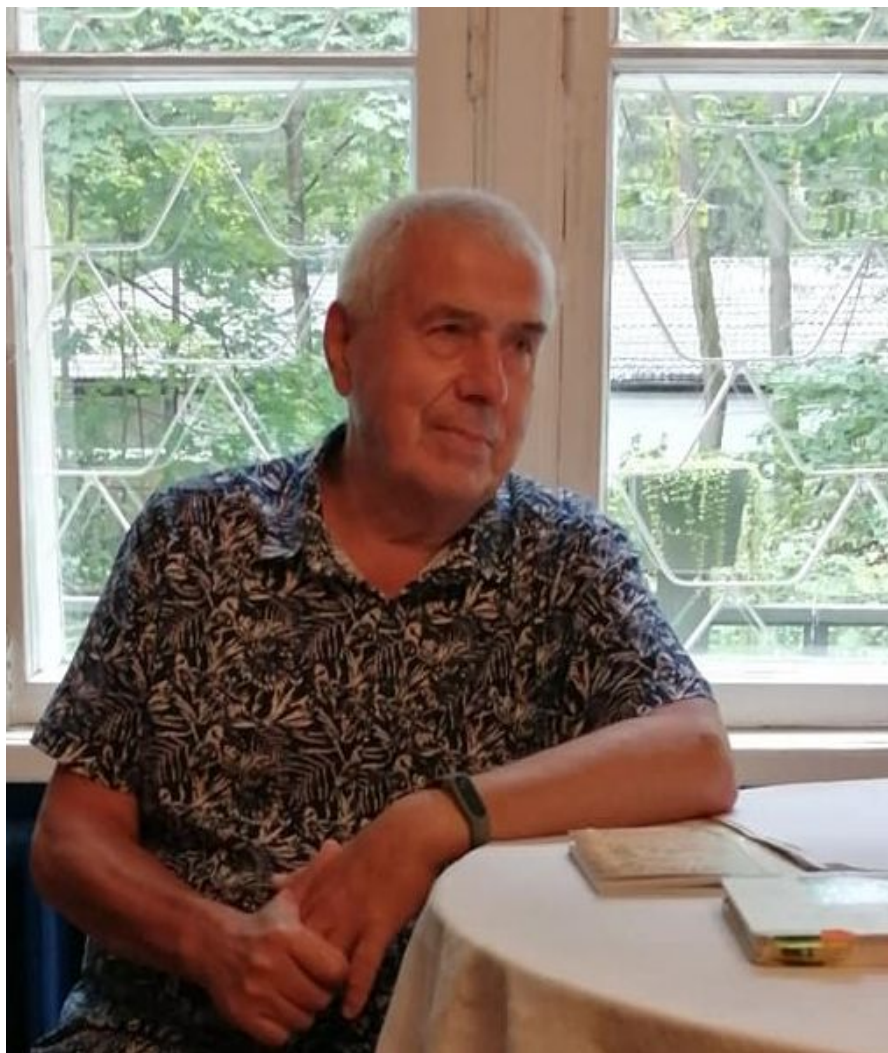

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 177. " [Никто](#) "

Шуршание листвы - лесной молитвослов.

Как много у него сплетений и узлов,
созвучий и речей,
речушек и ключей,
А человек он - вот,
как будто бы ничей,

как будто бы ничей, как будто бы нигде,
в крошечной тишине, в звенящей темноте,
и в глухонемоте,
и вечной мерзлоте,
а пеночка твердит:
"Не те,
не те,
не те... "

Эмалевых небес зияет глубина,
и травяной псалтирь читается со дна
то жаворонком, то
осиновым листом,
а человек он кто?
Никто,
никто,
никто.

2 место

Конкурсное произведение 199. " [Угнетенному мною Билли](#) "

Билл пригласил на пленэр. Я шапочно знаю Билли,
но откажешься, скажет, пренебрегли или нагубили.
Билли любит меньшинства, приветствует иностранцев...
Еду. Неблизко. На карте - сплошной обман из названий
(в Кингстоне нет кингстонов, в Чарльстоне не до танцев).

Вхожу. На дворе фуршет.
Корешки в зубочистных жалах ничком на траве лежат.
Дело дрова: он жует
так, словно суд вершит,
в настроении препираться.
-Хорошо, что пришли, так хотелось поговорить
с белой о репарациях!

Чуть было не хихикнула: вот в чем дело-то!
В бывшей советской еврейке что он увидел белого?

Книга о Холокосте дочитана им до конца,
я захлопнута меж страницами,
как октябрьский жук между рамами.
Резюмирует: - Не фиг шрамом гордиться,
Все у нас тут со шрамами.
Он логичен и убедителен:
-Что мне беды ваших родителей.
Шесть миллионов - подумаешь тоже...
Мириады моих уничтожены.

Ходи потом к ним на парти.
А еще говорят, люди братья.

-За давностью лет обвинять нам некого.
-А что закон? -Закон говорит: Пиноккио,
раз невинен, ступай в тюрьму.
Да и вы, евреи, молчали, где же вам,
простите за прямоту...
Уворачиваюсь от подножек по инерции вежливо:
упадешь и получишь по роже
землей, башмаком по хребту.
Хозяин доволен эффектом. Подыгрываю ему:
-...Я совсем не пытаюсь давить на жалость,
в споре истины нет...
Мы фуршетно, тезисно соглашались,
толерантный наш менюэт
танцуя, танцуя,
кроша моих предков кости.
Ничего так сходила в гости.

Били-бом, церковные колокола,
Библия... Билли, люби меня!

Били-бом - и не знаешь, кому молиться:
Ваши боги побили наших,
Наши съели, кого породили.
Билли, споем и спляшем!

Ветры, наверное, город листвой замели.
Там достают до колен поцелуи земли
и достают до небес голоса неживых.
Впрочем, я брежу, и Билли, небрежен и тих,
меня до ворот провожает, не смотрит в глаза.

Те, кто в земле, подталкивают к небесам.

...поезд увозит меня до начала танцев,
пляшут буквы в названиях станций.

3 место

Конкурсное произведение 218. " [Ябалан-Дабаан](#) "

По осени, когда к пальцам ног
Подступают щупальца ревматизма,
Я вспоминаю о ней
И её хождении в 'Яблоновый хребет.
Яблошный, как говорят местные.
Не ходи одна, не забывай примет.
Береги обувку тесную
Покуда стоит такая теплынь,
Сухость осенняя, хрупкость да ломкость.
И такая прозрачная синь
Над водоразделом трех великих рек,
Текущих в три моря –
Лаптевых, Карское да Охотское.

Под ногами камушки – счету нет,
Будто россыпи райских яблочек.
Потому ли так обозвал хребет
Пришлый люд – Яблочным?
Говорили, мол, что бока его
Заросли дичком лакомым.
Ничего здесь нет.
Первозданный свет.
Золоченый лист лаковый
Да брусничины, как в чаду горят.
Знай ковшом бери.
Небо ясно.
Переменчив нрав вековой земли.
Было солнце да вдруг погасло.
Стылый ветер встречь,
Не поднять руки,
Обернётся сырым бураном.
Застывает речь,
Густо лепестки
Кружат над Ябалан-Дабааном.

Лепесточек яблочный полети,

Покружи над водоразделом.
Перевал проходимый, твои пути
Словно вязь меж душой и телом.
Половина жизни ещё не срок –
Только срез её поперечный.
Двоеперстный крест, да бурятский бог,
Листобой, перебой сердечный.

Так искали её подряд три дни
И три ночи односельчане.
Голосили, дымные жгли огни.
И нашли у Христа в кармане
У гранитных глыб,
Где намёка нет – ни тропы,
Ни иного знака.
Словно дух лесной, побелевший гриб,
Шевельнулась на зов собака.
И припала снова, как лист дрожа,
Согревая ей босы ноги.
Уходя в леса не бери ножа,
Но собаку возьми в дорогу.

Потому по осени между строк
Пробивается холод. Снится
Бел-горючий камень у самых ног,
Снегом скованные ресницы.
Это я, не она, прохожу гранит,
Разнимаю руками воду.
Потому во мне до сих пор саднит
Эта горькая память рода.
И душа разъяв временной капкан,
Прорывая покров метельный,
Улетает на Ябалан-Дабаан.
Проходимый. Водораздельный.

4 место

Конкурсное произведение 278. " [Принимать](#) "

Доктор Зияд Самара, сын земледельца из Бейт-Лахии,
как-то сказал мне, что нет никаких религий и наций,
есть только люди, хорошие и плохие,
кардиограмма у всех одна - вереница диастол, систол...
Доктор Зияд Самара учился в России,
где стал гинекологом и марксистом,

малость философом, в меру ценителем разливного,
но не разлитого,
там и женился на Катеньке из Иванова,
позже вернулся на Западный берег,
завёл себе практику, с четверть века работал в родильном,
был активистом борьбы за мир, настоящим, не пародийным,
принял чернявых и смуглых младенцев столько,
что ими можно заполнить несколько средних школ,
слыл по округе богом, пусть и не обжигал горшков,
ехал однажды из клиники хмурый дождливым январским днём,
остановился, увидев расстрелянный джип и пару гражданских в нём,
бросился к раненым, стал накладывать жгут
на глазах у зевак, что стояли рядом с бензоколонкой,
не осмелев и выйти из-под её навеса,
не говоря уж о том, чтоб спасти чужака, оккупанта и иноверца...
После шумихи в прессе, и раздражённой, и упоённой,
доктор Зияд Самара два дня бродил по пустой приёмной,
некогда тщательно им оформленной в строгом английском стиле,
больше в родное родильное доктора твёрдо, но вежливо не пустили,
вскоре пришёл человек из особых служб, вынудил долго мараить бумагу,
этой же ночью доктор Зияд Самара видел, как жгли его раритетную колымагу
те, кого он долгие годы бережно принимал – стаж-то у доктора был немал.
Доктор Зияд Самара колебался, но понял, что ехать надо,
и на визитке его теперь Макгилл, Монреаль, Канада,
в трубке моей иногда звучит его голос:
«А-коль беседер, хабиби, а-коль тов*,
я здесь принимаю младенцев любых цветов,
только вот думаю часто, как говорят по-русски, японо мать,
если так дальше пойдет, кто ж их будет там, на родине, принимать...»

*А-коль беседер, хабиби, а-коль тов (ивр.-араб.) – всё в порядке, дружище, всё хорошо.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 153. " [Ме-день-ки](#) "

а балалай шагает налегке,
позвякивая медью в кошельке -
последними погожими день-ками.
дыряв зипун из синих паутин,
и серый неподатливый ватин
сквозь дыры вылезает облаками.

повдоль деревни ясени рябы.
под ними кареглазятся грибы

и плятятся, смущая балалая.
орать всё реже хочется котам,
и журавли устали клекотать –
их караван летит.
собака лает.
там, где грустят у дома тополя,
ворчит дедок, что косточки болят,
что мало дров,
что бабка нынче злая,
что вся трава пожухла на лугу,
что балалайка нынче – «не в дугу» ...
ворчит
и огорчает балалая.

и, ключья-тучи пряча за рекой,
наш балалай жалеет стариков:
совсем у них день-ков осталось мало...
откроет во дворе колодец-рот,
пришедшей внучке на ухо шепнёт,
чтоб только деда с бабушкой не бросала.
и высыпает солнечную медь
в ладонь, чтоб деду косточки погреть,
сливает стынь в глубокие овраги.
и радуются все наперебой:
дед с бабушкой вредной,
девочка с водой
и пёс с котами.
грейтесь, бедолаги!

а где-то зной...
и горы велики...
и там чеканит солнце
ме-день-ки.

Конкурсное произведение 167. " [Штрихпунктир](#) "

Точка-точка-тире, тамбур-тамбур-вагон,
барабанным пунктиром гремит перегон,
вот бельмо семафора, вот мачты рога,
полустанками крутит и вертит пурга,
в полосу отчуждения вбиты столбы,
обстоятельства времени, места, судьбы
по каким-то своим штрихпунктирным осям,
вот и вся изометрия, или не вся?
Невозможно уснуть и уйти в глубину,

ты глотаешь огни, словно окунь — блесну,
и гадаешь вслепую, где нос, где корма,
за бортом только снегом кипящая тьма,
а в окно проводник мимоходом налил
полстакана чернил, полстакана белил.
За плацкарту без мест рассчитайся сполна,
этот общий вагон — деревянный пенал,
в нём под крышкой катаются карандаши
и грохочет в ушах: «напишу!» «напиши!»,
по штaketнику шпал простучит «не забудь!» —
это пепел прощаний колотится в грудь,
это порох пути в твоём горле першит,
это вьюга летит и метёт во всю ширь,
прошивает тебя штрихпунктирная ось,
лучевая симметрия пятен, полос,
всех отметин родимых, примет родовых,
но не сходство — родство ударяет под дых,
перепутаны знаки, размыты следы,
не напиток железнодорожной воды.
Этот поезд в огне не сгорает, гудит
и толкает соломенный свет впереди,
тамбур-тамбур-вагон, отлетающий шум,
точка-точка-тире, «напиши!» — «напишу!»

Конкурсное произведение 207. " [Хромая ворона](#) "

...хоть тресни, не помню, что тогда стряслось,
может, сгустилась злость
или виной всему птичий грипп,
но я перестала говорить,
а стала каркать.
Был, кажется, великий пост, февраль или начало марта,
снегов в тот странный год не было вовсе —
на антеннах сох сырой небосвод, колдовала тусклая осень,
затяжная, как парашютный прыжок, —
и ветер, плоский и юркий, как утюжок,
блудил по шапкам самшитов и тисовым косам,
рвал всё, что белыми нитками шито,
отбирал птичьи крохи,
склёвывал с рябин сморщенные горохи
и уносил этот скарб в космос.

...возле солодовой лужи хромая ворона ехидно щурила глаз,
я хотела что-то сказать, но голос увяз,
горло подковой сдавил спазм,

потом
от диафрагмы оторвался ком,
лопнул и превратился в громкое «кар»,
скатившееся с языка.

...я вернулась домой – завернулась в халат и стала ждать мужа,
он придёт вот-вот и отправится спать – у него режим,
а я не усну – буду думать о хромой вороне и солодовой луже,
в которой потонули мой голос и осколки души.

...муж перешагнул через порог –
продрог,
словно ехал не на Volvo, а на мопеде
по самой ухабистой из дорог,
и мое приветственное «кар» даже не заметил.
А когда я стала безудержно каркать,
он достал бутылку Bacardi,
закурил, открыл двери балкона,
впуская ветер досужий
и мутную стынь,
и долго смотрел вниз, на ворону,
которая всё ещё фланировала по лужам,
крылом опираясь на маленький костыль.
В сером жилете, в ботинках лаковых –
налегке.
И, кажется, она что-то напевала.
Или плакала.
На человеческом языке...

Конкурсное произведение 307. " [Ц-ц-ц](#) "

лишь только день распустицца
зальёцца солнцем сад
капустницы капустницы капустницы летят
летит еще лимонница
и шоколадница
но мне милей капустница
предвестница конца

мне нравицца печалицца
что всё вокруг пройдёт
снежинка в белом платьице
закружицца падёт
за ней вторая спустицца
сто тридцать пятая

и трактор гнусной гусеницей
всех в лёд впечатает

но их - снежинок-бабочек
полным полно полным
и жизнь такая разная
клубицца словно дым
уносицца врываецца
бьёт резвою ногой

Лети скорей, капустница,
не слушай никого!

Конкурсное произведение 393. " [Николай](#) "

улица коперника ясенный хэштег
искры поздних бархатцев прожигают снег
серебрится башенка в сотню ипотек
створки супермаркета коды люди полки
лётся из динамика тят да ляп да лепс
мчит телегу колинька тощ небрит нелеп
покупает мелко молоко да хлеб
доширак да луковку душирак он колька

душирак он колинька старый дурачок
бросит к лавке латаный нищенский мешок
тронет искру бархатца дунет горячо
у костра прогреется скинет шарфик ветхий
наматает ясеню холодно поди
позвонки древесные сдуру застудил
я такой же колинька оживел гляди
и синичка луковка скок-поскок по веткам

с веток поднимается в небоятный верх
на верху написано улица ко-пер-
остальное спряталось средь небесных сфер
и они вращаются точно точно помню
никтолай astrologus щурясь смотрит вниз
рецептура снадобья мёд шафран анис
назову по имени дескать исцелись
гелиоцентрически потеп знамо теп

возвратилась милая хлеба накрошу
а себе горячее быструю лапшу
или быстрых капель бы в сердце стук и шум

отчего-то радостно отчего-то сонно
улица коперника канцелярский текст
сквозь шеренги башенок маркетов аптек
мчит телегу колинька мчит который век
и в телеге мельенько молоко и солнце

Конкурсное произведение 439. " [К словарям](#) "

погоди секунду, побудь со мной
промелькнувшей в тёмной воде блесной,
уловись хотя бы негромким словом,
а потом во тьму уходи опять,
в тишину молчать, в глубину сиять,
в плодородный ил, к словарям толковым.

завяжи мне память на узелок,
чтобы вспомнить я ничего не смог,
ожидая блеска в речном затоне.
не храни ни писем, ни снов, ни книг,
здесь не я – мой сумеречный двойник
проницает время/пространство оно.

и в его глазах холодит луна,
и темна вода сквозь него видна.
засыпает сонный тростник, а мыши
разрезают небо. большой улит
никому во тьму о себе пищит,
но никто в тумане его не слышит.

